

Виктория Токарева

Мои мужчины

Новая книга любимого автора!

Виктория Самойловна Токарева

Мои мужчины (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283100

*Мои мужчины : Повесть, рассказы, интервью: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10386-3*

Аннотация

«Собакин, Михалков, Войнович, Данелия, Горбачев – вот они, архитекторы моей жизни. Я, конечно, и сама тоже внесла свой вклад, а именно – труд. Я написала двадцать томов, и за меня это никто не мог бы сделать. И тем не менее: литературный талант очень трудно обнаружить. Талант певца или художника – запросто. Человек поет или рисует – сразу заметно. А писать... Все умеют писать, всеобщая грамотность с тридцать седьмого года.

Я могла бы и не распознать свои литературные способности. Работала бы учительницей пения: вахадилы гу-си... И так всю жизнь. Мое предназначение умирало бы во мне. Я ходила бы нервная и несчастная.

Но я избежала этой участи. Я всегда занималась тем, что мне интересно. Это счастье. Я выиграла свою жизнь».

В. Токарева

Содержание

Мои мужчины

5

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Виктория Токарева

Мои мужчины (сборник)

© Токарева В. С., 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Мои мужчины

повесть

самое начало

Я училась в школе № 104. В Ленинграде. Выборгская сторона. Это в 1991 году новый мэр Собчак назвал город Санкт-Петербург, вернул его историческое имя. А в мое время город звали Ленинград. Я никогда не связывала название города с именем Ленина. Просто очень красивое слово, яркое и звонкое – Ленинград.

Я училась средне, на крепкое три, по поведению четыре. В нашем классе были две отличницы: Люся Косова и Люся Сундатова. Обе Люси хотели со мной дружить, соперничали между собой и ревновали. Люся Сундатова даже плакала.

Наша классная руководительница – хромая, с ортопедическим ботинком на правой ноге, – громко удивлялась этому треугольнику. Она считала отличниц кем-то вроде генералов, а меня, троечницу, – низшим чином, типа солдата. И как могут генералы дружить с солдатом и даже бороться за первенство...

Сейчас я догадываюсь: со мной было интересно. Я была веселая и очень хорошо звучала. Я могла пересказать прочитанную книгу, и все слушали разинув рот. Видимо, литературное предназначение уже тогда формировалось в моих

глубинах.

Люся Косова жила очень бедно. У нее было одно-единственное платье – школьная форма. Она носила ее каждый день, а когда был праздник – стирала и гладила. Получался выходной наряд.

Люся, где ты сейчас? Если прочитаешь эти строчки, найди меня. Я ничего не забыла. Я помню твои светлые, вьющиеся волосы и маленький рот.

Люся Сундатова говорила: «Я боюсь будущего. Очень боюсь».

Нам было по пятнадцать лет. В будущем – любовь, семья, дети, – то, что у всех. И все зависело от одного человека – того, который встретится. И что это будет за человек: ясный Ромео, или печальный Демон, или эгоистичный мерзвец Печорин.

Но у Люси Сундатовой не случилось ни первого, ни второго, ни третьего. У нее открылась мания преследования, и она выбросилась из окна. Но сейчас не об этом.

В девятом классе к нам пришла новая учительница по литературе. Ее звали Вера Федоровна. Строгая и высокомерная, она никому и никогда не ставила пятерок. Вера Федоровна любила и знала литературу, и ее оскорблял наш убогий уровень пятнадцатилетних недоумков.

Веру Федоровну боялись, чувствовали в ней особую породу. Она отличалась от других педагогов. Другие – просто тет-ки с дипломом, вынужденные зарабатывать на жизнь. А Ве-

ра Федоровна плюс литература – как Паганини со скрипкой.

Педагогический талант так же уникален, как любой другой талант. Мы, подростки, его чувствовали и благоговели.

И вот однажды Вера Федоровна вызвала меня к доске. Надо было пересказать какой-то рассказ, заданный на дом.

Я вышла и лихо пересказала. В моем лексиконе по-падалось много слов, имеющих иностранные корни, типа «прогресс», «продолжить», «ажиотаж», «инфернальный» и тому подобное.

Вера Федоровна не была уверена, знаю ли я значения этих слов, или повторяю как попугай. Она стала меня гонять по этим словам, требуя расшифровки.

– Пролонгировать...

– Продлить, – отвечала я.

– Прогресс...

– Движение вперед, развитие.

– Инфернальный...

– Адский, от слова «ад».

– Ажиотаж...

– Возбуждение.

Я не представляла себе, как можно пользоваться словом, не зная его смысла. Кем это надо быть? Безмозглым зубрилой?

Я отвечала уверенно, и было ясно, что мой словарный запас практически неисчерпаем. Я знаю очень много слов, легко ими жонглирую и точно соотношу.

– Пять! – произнесла Вера Федоровна.

Класс обомлел.

Как? Отличницам четыре, а троечнице пять? Как это может быть?

А вот так. У Веры Федоровны был абсолютный слух на слово, вернее, на словесную технику, и она смогла отличить меня и выделить. И ей не мешал мой солдатский статус.

Я и сама ошалела от такой оценки. Но я ее запомнила на всю жизнь. В пятнадцать лет мне единственной поставили пять. В меня поверили. И я тоже поверила в себя.

Я, конечно, не подозревала в себе писателя, но я поняла, что могу превзойти всех. Доплыть до Турции. Надо просто войти в воду – и вперед.

Спасибо вам, Вера Федоровна.

Вы, наверное, давно ТАМ. Но ведь оттуда все хорошо видно, включая мои книги. Может быть, Вера Федоровна смотрит на обложки с моей фамилией и думает: «А-а, это та девочка из 104-й школы, из девятого «Б»... Помню, помню... Девочка с челкой, ничего особенного на первый взгляд».

После десятого класса я стала поступать в медицинский институт.

Я люблю медицину и читаю медицинские учебники, как «Три мушкетера».

У медицины и литературы много общего. Болезнь тела и болезнь духа – идентичны. Состояние влюбленности сход-

но с лихорадкой: высокая температура и скоро проходит. А любовь – это хроническое заболевание. Длится долго, иногда всю жизнь.

Онкология – это болезнь тоски. Тоска накапливается и собирается в одном месте.

Язва желудка – результат долгих раздражений.

Хочется сказать: люди, любите себя. Но с другой стороны, самовлюбленный человек – жуткая гадость, даже если этот человек умный и с юмором.

Если бы я не стала писателем, то была бы врачом. При этом – хорошим. Но я не поступила в медицинский. Получила тройку по сочинению, и недобрала балл. Ирония судьбы.

Моя мама засуетилась, куда бы меня пристроить.

За моей спиной была музыкальная школа – семилетка, и меня воткнули в музыкальное училище.

Вот чего я не любила, так это музыкальную грамоту, сольфеджио, чтение с листа. Не любила и не умела. Более или менее мне удавалось дирижирование. И еще я любила петь в хоре. Хоровое пение – это молитва своего рода. Объединяются души и летят к Богу единым посылом. Как мы пели... В репертуаре была вся хоровая литература.

Я и сейчас равнодушна к хоровому пению и, когда слышу детский хор, начинаю плакать. Почему? Не знаю. Наверное, потому, что безгрешные ангелы посылают свою молитву и сотрясают мою душу.

Волшебная страна – музыка. Но эта страна не моя. Я училась без энтузиазма, скучала, как пассажир в зале ожидания, который ждет своего поезда. А поезд все не идет, и сколько ждать – непонятно, может быть, всю жизнь. Вот где тоска...

Сейчас я могу сказать, что музыкальное образование обогащает жизнь, делает ее более стереофоничной.

Очень часто, когда я приезжаю в незнакомые города, я сажусь на лавочку, закрываю глаза и слушаю, как звучит этот город на слух.

Одесса поразила меня страстным скрежетом: скрежет трамваев и скрежет голубей. Во всем жара и страсть. Трамвай «Желание».

Столица Лаоса запомнилась покоем и тишиной. Шуршание шин об асфальт – шорк-шорк... Девушки на велосипедах – абсолютные статуэтки: белые кофточка, синие юбочки, точеные ножки на педалях. Шорк-шорк...

Работники отеля говорят друг другу: «Бо-пи-нян». Это значит: не бери в голову.

Вот так и живут: шорк-шорк и бо-пи-нян.

Кому-то покажется скучно, а на самом деле – замечательно. Ничего лишнего. Иногда в магазине или на базаре слышится ор. Кто-то орет на всю голову. Значит, приехали русские, переговариваются между собой.

В двадцать лет я вышла замуж за москвича, которого знала одну неделю. Он поднял на меня глаза – большие и си-

ние. Не голубые, а именно синие, как небо на японских открытках. Еще у него были узкие брюки-дудочки и ботинки на высокой подошве из белого каучука. Тогда это называлось «на манке».

Я увидела всю эту красоту и подумала: «Какая счастливая та девушка, за которой он ухаживает. Мне бы такого. Но это нереально».

Оказалось, реально. Он позвал меня в театр, и все закрутилось. И кончилось тем, что я переехала в Москву и родила девочку. Жалко, что только одну.

Оглядываясь назад, я жалею, что так много работала. Лучше бы рожала детей. Именно там – счастье. В детях, их личиках, их голосах и присутствии рядом. Но, как говорят, у истории не бывает сослагательного наклонения. Если бы да кабы, то во рту бы выросли бобы (а может быть, грибы)...

А тогда я окончила музыкальное училище и в двадцать лет переехала в Москву на улицу Горького, дом 24. В этом доме находился ресторан «Баку». А что сейчас – не знаю.

Я поселилась в самом центре. Энергетика центра совсем другая. Выходишь на улицу, вливаешься в поток людей, и ты уже в потоке, идешь как на подвиг, и все тебе по плечу.

Надо было устраиваться на работу. Я пошла в роно (районный отдел народного образования), и меня определили учительницей пения в общеобразовательную школу. Школа расположена на краю света, на выезде из Москвы.

А что бы я хотела? Кто я такая? Никто. Ни связей, ни знакомств, только доверие к жизни и тонкая талия.

Школа, в которой я работала, была одноэтажная, деревянная, поселковая. У половины моих учеников отцы сидели по тюрьмам.

Когда я думаю о том, кто сделал меня писателем, то осознаю: Собакин. Он учился в четвертом классе, – рыжий, в веснушках. Каждый раз, когда я приходила на свой урок, Собакин сидел под потолком. Он забирался туда по водопроводной трубе, что не просто. Висел, держась руками и ногами, оплетя их вокруг трубы.

Я говорила всегда одно и то же:

– Собакин, зачем ты туда залез?

– Мне отсюда лучше видно и слышно.

– Слезь сию минуту, – приказывала я.

– А я что, мешаю?

– Если ты не слезешь, я прекращу урок, – запугивала я.

Но прекращать урок было нельзя, мне попало бы от директора.

Собакин продолжал висеть, я продолжала стоять. Мучительная пауза.

Дети не выдерживали, вскакивали со своих мест и пытались спустить Собакина за штаны. Собакин начинал лягаться, норовил попасть ботинком в лицо. В классе начиналась гражданская война: сознательные били несознательных и наоборот. Я пряталась за пианино, потому что боялась быть

побитой обеими сторонами.

Я написала об этом в своем первом рассказе «День без вранья». Я вынуждена повторяться, но ведь из песни слова не выкинешь.

Я ненавидела свою работу. Всякий раз я не хотела идти в класс. Я чувствовала себя как чеховская Каштанка. У Чехова есть такая фраза: «Если бы Каштанка была человеком, она бы подумала: “Нет, так жить невозможно, нужно застрелиться...”»

Я возвращалась после работы домой. На автобусной остановке меня встречал мой муж. Мы шли в столовую и обедали за столом, от которого пахло тряпкой. Мы брали столовские котлеты, в которых было восемьдесят процентов хлеба и двадцать процентов мяса. Мы называли их «без мяса не обошлось». Мы брали щи, от которых тоже пахло тряпкой. И только синие глаза моего мужа как-то освещали все это убожество.

У человека нет большего врага, чем бедность. Она унижает и высасывает все силы.

Я сидела подавленная, только что не плакала. А мой муж говорил мне:

– Да плюнь ты на этого Собакина. Я у тебя есть, – и все.

Нет, не все. Он у меня был. Это правда. Но меня самой у меня не было. Я продолжала сидеть на вокзале на оплеванном полу и ждать своего поезда. А поезд все не шел, и это ожидание становилось невыносимым.

Меня вызвал директор школы и приказал организовать встречу детского писателя с детьми. Я отвечала за культурный отсек воспитания.

– А кого? – спросила я.

– Кого хочешь, – ответил директор. – Кто согласится.

Я тяжело вздохнула и стала узнавать нужные телефоны.

Самых знаменитых, на мой взгляд, было трое: Светлов, Твардовский и Михалков.

Я позвонила каждому по очереди. Один отказался по причине высокомерия, другой по причине запоя, а третьим был Сергей Михалков.

– А вы кто? – спросил он меня.

– Я учительница, – потом подумала и добавила: – И студентка Института кинематографии, сценарный факультет.

Я врала, но у меня была причина. Во-первых, я мечтала о сценарном факультете ВГИКа, а во-вторых, мне казалось, что быть учительницей мало. Надо как-то прикоснуться к искусству, тогда мы на равных. Сергей Михалков – поэт, я – сценарист.

– Ладно, – согласился Сергей Владимирович. – Когда прийти?

– Во вторник. В два часа дня.

– Позвоните мне во вторник в десять утра и напомните.

– Спасибо! – обрадовалась я.

– Но учтите: если трубку снимут и будут молчать, это я.

Я заикаюсь.

– Поняла.

Я сразу почувствовала очарование этого человека. Разговаривает с какой-то никому не известной учительницей, при этом шутит тонко, не явно. Голос высоковатый, продвинутый, умный. По голосу так много можно услышать.

Во вторник я позвонила, но не в десять, а в десять тридцать. Я почему-то решила, что десять – рано. Надо немножко опоздать.

Я набрала номер. Трубку тут же сняли и сразу закричали:

– Почему вы не звоните вовремя? Я же сижу и жду, а у меня дела.

Я поразилась, не ожидала, что сам Сергей Михалков сидит на своем Олимпе и ждет звонка малозначительной учительницы, которая бродит где-то внизу, у подножия и щиплет траву как коза.

Я не сразу сообразила, что точность и обязательность – свойства аристократа. Аристократ не заставляет ждать, поскольку это невежливо.

Один и тот же человек может оборачиваться разными сторонами. У моих современников был свой Михалков, а у меня – свой. И я рассказываю о своем, которого запомнила.

Сергей Владимирович пришел в школу. Он очень удивился, увидев меня.

– Уч-чительница! – воскликнул он.

Я действительно мало походила на учительницу. Слишком молодая и модная. Зарабатываю на хлеб честным красивым трудом, хотя могла бы зарабатывать гораздо легче.

Сергей Владимирович начал выступать перед детьми, и в это время какая-то девочка в задних рядах потеряла сознание и с грохотом свалилась со стула. Произошла легкая паника.

Сергей Владимирович спросил:

– Что там такое?

– Тут одна девочка упала! – крикнула я.

– Так что, я буду говорить, а они по очереди будут падать?

Сергей Владимирович был ровесником моей мамы. Он был старше меня на двадцать четыре года. Сегодня эта разница считается нормой, почти все пятидесятилетние мужчины бросают своих жен-ровесниц и женятся на двадцатипятилетних. Можно понять. А тогда, в мое время, разница в двадцать четыре года казалась мне несовместимой с жизнью. Я восприняла Сергея Владимировича как папу. И впоследствии стала обращаться к нему с просьбами, типа: «Я хочу сниматься в кино».

Тогда все молодые девушки хотели сниматься в кино. Казалось, что кино – это путь наверх. При этом путь короткий, кратчайший, а наверху – совсем другая жизнь. Там – изысканные наряды, знаменитые мужчины, черная икра каждый день, личный шофер. Но главное – другое. Главное – инте-

ресная работа, без Собакина, и интересное общение. Глубокие беседы, другое видение себя. Общение – это та же еда, только духовная. Та же черная икра каждый день.

Я страстно хотела сняться в кино. Сергей Владимирович познакомил меня с режиссером по фамилии Рошаль. Он позвонил ему и сказал:

– К тебе придет очень любопытный молодой кадр, ты посмотри на нее внимательно, может быть, можно как-то использовать.

Григорий Львович Рошаль был тогда уже глубоко пожилым человеком, поэтому использовать меня он мог только творчески. Мы что-то сочиняли, я приходила к нему домой. Его жена, Вера Строева, – в прошлом звезда немого кино, ослепительная красавица, – была к тому времени не молодая и не стройная. О ней можно было сказать «пышное природы увяданье». Однако лицо оставалось красивым и милым. Красота и милота – разное. Красота – от Бога, а милота – это характер.

Вера Строева ходила по дому в ночной рубашке и переругивалась с мужем, обращаясь к нему исключительно на «вы».

– Григорий Львович, вы – говно! – выкрикивала она из своей комнаты.

Он не реагировал. Видимо, привык. Потом она выносила мне тарелку с клубникой. В доме – маленький внук. Оставила бы внуку. Нет, отдала мне, незнакомой девушке, которая приперлась неизвестно откуда и неизвестно для чего.

Григорий Львович мыслил скудно, пресно, академически. Мое воображение не могло зацепиться за его воображение, так что наши литературные эксперименты завяли, не успев расцвести.

Григорий Львович пригласил меня сниматься в свой фильм «Суд сумасшедших», где я получила эпизод. Я должна была изображать журналистку из народа, которая ездила на мотоцикле и боролась с капитализмом. Моя журналистка проповедовала свободу, равенство, братство. Дура, короче, поскольку равенства нет и быть не может. Его нет и в природе. Какое может быть равенство между львом и зайцем?

Фильм вышел в конце концов. Премьера состоялась в кинотеатре «Россия».

Я поняла: настал мой звездный час, – и пригласила на премьеру всю школу, включая Собакина. Пусть увидят, чего я стою. Пусть поймут: кто я и кто они. Я пригласила всю свою семью, муж пригласил друзей с работы, свекровь позвала всех старых большевиков и соседей по лестничной площадке. Половина зала в кинотеатре была заполнена моими людьми.

Началось кино. Я мелко дрожала от перевозбуждения. Но прошло двадцать минут – журналистки нет. Еще двадцать минут – нет и в помине. Собакин сидел со мной в одном ряду. Он нагнулся и повернул свою рыжую голову в мою сторону. Это был безмолвный вопрос: «Ну когда?»

Я ничего не могла понять.

Позже выяснилось, что отснятый материал составил 2700 метров вместо положенных 2100, и нужно было выкинуть 600 метров.

Можно было сокращать по кусочкам, но Григорий Львович решил, что для фильма полезнее убрать одну целую линию. Он взял ножницы и вырезал из монтажной ленты все кадры, где я трудилась и создавала образ. От меня остался только кусок ноги и колесо мотоцикла.

Фильм кончился. Зал встал. Половина зала – мои люди. Они повернулись и молча смотрели на меня. У меня было чувство, будто я стою перед толпой голая. Меня сжигало чувство стыда и недоумения. Как? Что? Почему? «Нет, так жить невозможно, нужно застрелиться».

Стреляться я, конечно, не стала. Более того, я получила урок и сделала вывод: никогда ни от кого не зависеть. Надо быть хозяйкой положения, иначе любая сволочь может взять ножницы и выбросить тебя из праздника на позор.

Григорий Львович – далеко не сволочь, это был добрый, глубоко порядочный, теплый человек. Просто кино никого не щадит. Кто я такая, чтобы со мной считаться? Так же поступали с профессиональными актерами. Выкидывали при монтаже, и не предупреждали, и не извинялись. Лес рубят – щепки летят. Значит, не надо быть щепкой. Надо быть лесорубом.

Я решила поступить во ВГИК на сценарный факультет. Быть автором сценария, самой себе написать роль, са-

мой сыграть. Быть единовластной хозяйкой. Тогда все будут от меня зависеть и передо мной заискивать.

О! Как я ошиблась... Автор сценария – никто, на уровне осветителя.

Но это позже. А сейчас я устремилась во ВГИК.

Стояло лето. Я сдавала экзамены, недобрала балл, и меня, естественно, не приняли. Я, естественно, зарыдала. И позволила Михалкову.

– Так ты же учишься во ВГИКе, – удивился Михалков. – Ты мне сказала, что ты на сценарном.

– Я наврала, – созналась я.

Он помолчал и сказал:

– А врать нехорошо. Это твоя ошибка.

– Мало ли у меня ошибок? Пусть будет еще одна.

Сергей Владимирович подумал и решил:

– Ну что ж, это позиция.

Михалков позвонил ректору ВГИКа. Ректор проверил возможности и выяснил, что одно место свободно. Кто-то не приехал или передумал. Это место отдали мне. Я стала студенткой.

Что изменилось в моей жизни? Все. Я бросила школу. Меня тут же заменили на другую учительницу. Отряд не заметил потери бойца. Я стала каждый день склоняться над листком бумаги и ставить слово после слова.

Творчество – мощный наркотик. Я не люблю слово «творчество», но не знаю, чем его можно заменить.

Я сидела, склонив голову над листком, и создавала свой мир. Как Бог. Только что не было ничего, чистый лист, – и вдруг целый обитаемый мир: люди, страсти, заблуждения, любовь.

Я слышала отдаленный грохот своего поезда. Я выйду из зала ожидания, сяду в этот поезд и поеду в свою судьбу.

Мне впервые за много лет не было скучно.

Если бы не Михалков, я продолжала бы работать в школе. Сидела бы за пианино, а первоклассники орали хором: «Вахадили гу-си, кланялись бабу-си». Следовало петь «ВЫ-ходили гуси», но буква «ы» неудобна для пения, они заменяли ее на «а».

В четвертом «Б» Собакин сидел под потолком. Позже я сообразила, что ему нравилась девочка, и он хотел выделиться.

Это был период грубой бедности. Я ходила зимой в летних туфлях. Туфли были белые с розовой вставкой, или, наоборот, розовые с белой вставкой. В подошве образовалась дыра, и туда забивался снег.

Бедность. Скучная работа. Пропадающая жизнь. И никакая любовь не поможет.

Одной любви для счастья недостаточно. Необходимо три фактора: здоровье, творческая работа и любовь. Три точки опоры.

Из прежней жизни меня выдернул Михалков.

Я не хочу сказать, что Сергей Владимирович сделал меня

писателем. Писателем сделать невозможно. Им надо родиться. Но... Он вытащил меня из школы и поставил во ВГИК. А во ВГИКе – мастерская, обсуждения, творческая среда, конкуренция. И мой мастер – Катерина Виноградская. Она мною восхищалась. А это – необходимо начинающему. Считается, что полезна критика, но в начале пути критика может ударить по рукам. А восхищение дает силы, уверенность в себе, определенную наглость.

Виноградской нравилось во мне все: лицо, одежда, душа и мысли.

Я ездила к ней в Переделкино за собой. И когда возвращалась обратно, шла через мостик, мимо церкви, наполненная как парус. Я жаждала написать что-то такое, чтобы все вздрогнули, и обернулись, и сказали: «Вот она...»

Виноградская не совпадала со временем. Она застряла в тридцатых годах, в тех идеалах, чистых помыслах, в том времени, когда написала свой главный сценарий «Член правительства».

– Я хочу написать сценарий «Коммунист-70», – делилась она.

Я усмехалась. Коммунист-70 – это сукин сын, циник, взяточник. В партию вступали только для того, чтобы сделать карьеру и получать хорошую зарплату. А моя бедная Виноградская думала, что коммунист остался прежним бескорыстным романтиком.

Все кончилось тем, что ее последний курс восстал против такого отсталого мастера. Она являлась тормозом современных идей и замыслов. Студенты не захотели этого терпеть.

Виноградскую выпроводили на пенсию. Пенсия – нищенские деньги, потеря общения с молодым поколением. Это катастрофа. Это закат.

Скоро она ослепла и умерла.

На ее могиле стояла фиктивная дата рождения – на десять лет позже. Виноградская во время войны, воспользовавшись суматохой и стрельбой, переписала паспорт, украла десяток лет. Зачем? Чтобы продлить возраст любви.

Виноградская была женщиной от макушки до пят. Она жила только любовью, пренебрегая всем остальным. И конечно же проиграла. Жестокая жизнь выбросила ее как рыбу на берег.

Виноградская умерла в восемьдесят лет, а на ее скромном памятнике стояло – семьдесят.

Сама Виноградская была бы довольна, а проходящим мимо – все равно.

ВГИК – это почва, в которой зерно прорастает. Останься я в школе, мое зерно затоптали бы, либо оно замерзло. Ничего бы не проросло.

Моей нивой был ВГИК, а привел меня на эту ниву Сергей Владимирович Михалков. Он сэкономил двадцать лет моей жизни. И из сегодняшнего дня я говорю:

– Спасибо, Сергей Владимирович, дай вам Бог здоровья

и счастья там, где вы находитесь. (Цитата из Зингера.)

Я думаю, что эти слова могут сказать со мной сегодня еще тысячи человек. А может, две. Никто не считал. Но я помню, Сергей Михалков был по горло завален чужими поручениями: давал квартиры, устраивал на работу, клал в больницы, извлекал из тюрьмы, останавливал разгромные публикации. И когда однажды приехал в Лондон, то устроил там какого-то англичанина на лондонское телевидение.

Однажды я заметила:

– Вас просто растаскивают на части. Зачем вам это?

– Ус-страиваю свою загробную жизнь.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Там стоят весы. Надо, чтобы добро перевешивало. Вот я и кидаю на весы добрые дела.

– Вы и тут хорошо живете, и там хотите устроиться. Хитрый...

– К-конечно, – согласился Сергей Владимирович.

Я не догадывалась, что Михалков – человек верующий. Он верил в Бога, что не было принято среди членов партии.

Михалков был главным редактором сатирического киножурнала «Фитиль».

«Фитиль» – острый, смелый, злободневный. Михалков руководил им мастерски. Слушать его замечания было невероятно интересно. Он раздавал сюжеты направо и налево. Сыпал, как крупу птицам. За этим стояла щедрость таланта. Что беречь, еще придумается...

Я заметила, что люди с ограниченными способностями берегут свои задумки, прячут. И правильно, еще украдут. А где взять новый замысел?

В «Фитиле» работали редакторы. Я помню Валентина Полонского. Это был нежный человек, который тихо спивался.

Михалков побывал у него в гостях. Потом сказал мне с грустью:

– В полу щели, по ногам дует, с потолка каплет. Ну какую работу я могу с него спрашивать, если он живет в таких условиях... Прежде чем требовать, надо обеспечить человеку нормальную жизнь.

И дал Полонскому квартиру. Вернее, помог получить.

На киностудии обсуждался фильм «Первый учитель» по сценарию Чингиза Айтматова. Это первая работа в кино Андрея Кончаловского – старшего сына Сергея Михалкова.

Фильм замечательный, но время мутное, оттепель на исходе, непонятно, что ждать.

Михалков-отец поднимается и объявляет:

– Яблоко от яблони далеко падает.

Все смеются. Михалков-старший как бы отодвигает себя от сына. Старший известен как конформист, умеющий приспособливаться к любой власти. Он не хочет бросать тень на своего прогрессивного сына. Но всем понятно, мне, во всяком случае: у яблони прекрасные корни и редкие плоды. Я говорю о родителях и детях. Просто отцу и детям до-

сталось разное время.

Однажды я обратила внимание:

– У вас в семье у всех большие рты.

– Уд-добнее «ура» кричать, – объяснил Сергей Владимирович.

Он не скрывал цинизма. Цинизм в его время – единственное прибежище умного человека.

С волками жить – по-волчьи выть. Сергей Михалков взаимодействовал с волками по-волчьи, а с соловьями по-соловьиному. У всех был свой Михалков. Мой Сергей Михалков протянул мне руку помощи и помог выжить в большом городе. Кому я была нужна? Никому. Могла затеряться, как пуговица. Но он поместил меня во ВГИК, поставил на твердую почву, а дальше я уже сама.

Он подарил мне книгу с надписью: «Виктории Токаревой, которую я подтолкнул, и с тех пор она катится по наклонной плоскости вверх».

Это было именно так. Он меня подтолкнул, сдвинул с места, дал мне направление.

Однажды мы зашли в ресторан Центрального дома литераторов. К Сергею Владимировичу подскочил официант, принял заказ.

Я помню этот заказ: куриные потрошки и салат с ананасом. Меня поразило, что бывает такой салат с заморским

фруктом.

Через короткое время официант принес заказ, и я, молодая и голодная, принялась уплетать за обе щеки. Внутри меня пела музыка, и я дирижировала себе вилкой, переполненная счастьем.

Михалков сидел откинувшись на стуле. Наблюдал.

– Ешь, ешь, – поощрял он. – У меня в семье все время диета.

Он соскучился по молодым проявлениям жизни. Жена, прекрасная Наталья Петровна, была старше на десять лет и, как все культурные люди, следила за своим здоровьем. А я ни за чем не следила. Просто жила.

Сергей Владимирович немножко выпил и неожиданно со-знался:

– Думаешь, я кого-нибудь люблю? Я никого не люблю... Я по ним страдаю.

Я увидела вдруг, что он одинок. Меня это поразило. Как можно чувствовать одиночество при такой славе, с таким положением в обществе?

Сергей Владимирович видел мою жизнь и помогал мне материально. Не деньгами, нет. А тем, что брал в производство мои «Фитили». Я писала короткие сценарии и получала за них гонорар. На гонорар я покупала телевизор, холодильник, зимние сапоги и даже сшила новое пальто в ателье.

Я понимала его безмерное благородство и раздумывала:

как отблагодарить? Как можно отблагодарить человека, у которого все есть? Кроме любви...

Однажды я заехала в «Фитиль» со своей ленинградской подругой Наташкой, моей ровесницей. Познакомила ее с Сергеем Владимировичем. И в небе зажглась звезда любви.

У Наташки был талант гейши. Она обтекала любимого мужчину, как река, затекая во все уголки и щели.

Они встретились в нужное время. Каждый мог дать другому то, чего ему не хватало. Наташе не хватало всего: любви, денег, жилья. Она была в то время бездомной и несчастной. Сергей Владимирович организовал ей квартиру в центре. Обставляла она сама. У нее был безукоризненный вкус.

Когда квартира была готова, она пригласила меня в гости.

Я вышла из лифта. Меня встречала Наташа с тапками. Боюсь, что я занесу в дом уличную грязь. Наташа стояла передо мной в прозрачной пелерине, под легкой тканью была видна ее грудь – маленькая и совершенная, как две фарфоровые чашки. Далее – изящное углубление пупка, и под ним невинный темный треугольничек, как стрелка в рай. Все это наводило на мысли: как прекрасен человек, никаких иных мыслей не возникало. Становилось очевидно: все, что принято прикрывать, совершенно не обязательно прикрывать. У природы нет ничего некрасивого. У природы прекрасно все.

Наташа ввела меня в квартиру. Стала угощать ужином.

И квартира со старинной мебелью, и еда, и сама Наташа –

все было безукоризненно. Я подумала: кому нужен мой литературный талант? Люди могут читать книги, могут не читать, а есть надо каждый день по три раза, и хорошо бы есть вкусно. Так что Наташка гораздо лучше снаряжена для жизни, чем я.

Она подарила Сергею Владимировичу белый пуловер и сказала:

– Не занасивайте... Его надо стирать каждые три дня.

Он ответил:

– Вот ты и постирай.

Она постирала, покормила, обняла, и звезда любви еще ярче засияла в небе.

Жена, Наталья Петровна, почувствовала опасность и пригласила Наташку в гости. Решила познакомиться, посмотреть, понять: велика ли угроза?

Наташка приехала. Предстала перед королевой.

Наталья Петровна воскликнула:

– О! Так вы высокая. Я думала, что вы маленького роста.

Наталья Петровна умела быть очаровательной, притягательной, независимой от возраста. Наташка в нее тут же влюбилась.

Рассказывала мне с восторгом:

– Она ни в коем случае не тетка. Дама...

Сергей Владимирович не принадлежал только себе, и высшее руководство не позволило ему идти на зов любви. Да и сам он не хотел разрушить то, что создавалось годами,

десятилетиями.

Любовь начала буксовать, как грузовик на разъезженной дороге.

Наше неласковое общество не приняло Наташу. И когда они появлялись вместе, в спину ей несло: «Парикмахерша».

Когда-то, в самом начале своей жизни, Наташа действительно работала парикмахершей. Но какой...

Сейчас талантливые стилисты наперечет. А тогда эту профессию задвинули в сферу услуги.

У Лермонтова есть слова: «За каждый светлый день или сладкое мгновенье слезами и тоской заплатишь ты судьбе...»

Наташа страдала. И все кончилось тем, что она соскочила на ходу с поезда любви. Быстро вышла замуж и уехала в Америку.

Свято место пусто не бывает. Возле Сергея Владимировича возникла другая Наташа, а может, не Наташа. Не важно...

Прошло много лет. Я шла в иностранный отдел Союза писателей. Одноэтажное длинное здание, там раньше располагались конюшни.

Зима. Снег стоит высоко. К зданию протоптана узкая тропинка. Мы встретились с Сергеем Владимировичем на узкой дорожке.

– Это ты? – узнал он меня. – Какая ты стала... Ничего

от тебя не осталось.

– На себя посмотрите, – предложила я.

– Богатый мужчина старым не бывает...

Ответ замечательный.

Разговор зашел о двух Наташах.

– А кто вам больше нравился? – спросила я.

– У каждой свои преимущества. Но обе не то.

– А может быть, сделать последний зигзаг и найти ТУ?

– Т-тех – НЕТ.

Поиск идеала и бессмысленность этого поиска – тема всей мировой литературы. А Михалков сформулировал в двух словах: ТЕХ НЕТ.

Каждый человек ищет ТУ или ТОГО, но не находит. Почему? Да потому что ТЕХ НЕТ. И он ищет дальше, и тем самым движет землю. Поиск – это и есть земная ось. Вернее, не так. Земная ось – это любовь. А кружение земного шара – это поиск.

Наступила перестройка, своего рода – революция. «Кто был ничем, тот станет всем». А кто был всем – должен стать ничем.

В моем доме раздался звонок, и я узнала голос Сергея Владимировича, которого не слышала уже лет пятнадцать.

– В-виктория! Помоги мне. Меня обижают.

– Кто? – выкрикнула я.

– Успенский, Остер, жида проклятые.

– А как я могу помочь?

– Не знаю. Придумай что-нибудь.

Я положила трубку, вошла в другую комнату. Мой муж сидел в кресле и читал газету.

– Михалков звонил, – сказала я. – Просит заступиться. Его травят.

Муж опустил газету. Сказал:

– Я бы не советовал тебе в это влезать. У Михалкова плохая репутация. Ему мстят за Пастернака.

– А почему не мстили раньше? Почему раньше не были храбрыми, тряслись по углам? А теперь вдруг осмелели, когда стало можно...

– Как хочешь. Лучше держись подальше.

Значит, когда мне было надо, я бежала к нему со всех ног. А теперь, когда нужна моя поддержка, я буду стоять в стороне, держаться подальше. Неблагодарность – грех. И вообще, отвратительное человеческое свойство. Когда бьют близкого человека, логично кинуться в эпицентр драки, рискуя получить по башке.

Я пришла в театр «Современник», увидела там Эдуарда Успенского.

– Ты чего Михалкова травишь? – строго спросила я.

– А тебе-то что?

– Он очень хороший человек.

– Это с тобой он хороший человек. Ты не знаешь, как он зажимал детскую литературу, по принципу: топи котят, пока

слепые.

– Что было, то прошло, – возразила я. – А сейчас он старый. Ему восемьдесят шесть лет. Не стыдно лягать старого льва?

– Подлость возраста не имеет, – сказал Успенский.

– А чего тебе не хватает? Ты богат, знаменит, молод. Живи и радуйся. Будь мужчиной, в конце концов.

Свет потух. Начался спектакль. Через какое-то время я посмотрела на Успенского. Он сидел и смотрел в пол. Видимо, обдумывал мои слова.

Может быть, его и зажимали в кулак, но он брызнул из-под кулака во все стороны. Его Чебурашка обошел весь мир. Успенский талантлив, но ведь и Михалков талантлив. Можно мстить бездарности, но не таланту.

Я написала статью в журнал «Огонек». Это была статья о моем Михалкове. Она называлась «А врать нехорошо!».

Журнал вышел. Сергей Владимирович позвонил мне и поблагодарил:

– Спасибо, Викочка.

Я смутилась и спросила:

– Как ваши дети?

– Ты «Ургу» смотрела? – в свою очередь спросил Михалков.

– Смотрела.

– А «Ближний круг» смотрела?

– Смотрела.

– Ну так что ты спрашиваешь? Мои дети известны всем на свете...

Это правда. Дети унаследовали талант родителей, но не могу сказать, что приумножили. Они талантливы по-своему. А Сергей Владимирович – по-своему, и в этом своем он непревзойден.

Что можно сказать? Я любила своего Михалкова. И люблю до сих пор. Естественно, у него были недоброжелатели. Но сколь велики достоинства, столь тяжелы недостатки. Однако чаша с добром все же перевешивает.

Умерла Наталья Петровна Кончаловская.

Я случайно увидела Сергея Владимировича в эти дни. У него было опрокинутое лицо. Я поняла, что Наталья Кончаловская была для него ВСЕМ.

Параллельные влюбленности украшали его жизнь, как сорванные цветы в вазе. И так же непременно вяли. А семья, как утес, – вечна, и надо всем возвышается.

Сергей Владимирович овдовел. Часто ходил обедать в Дом литераторов. Однажды увидел красивую молодую женщину. Подошел к ней и сказал:

– Я поэт Сергей Михалков. Я хочу с вами познакомиться.

Молодая женщина (ее звали Юля) вспыхнула от удовольствия и проговорила:

– Какое счастье видеть самого Михалкова!

– Если хотите, вы можете видеть меня постоянно, – ото-

звался Сергей Владимирович.

Это было объяснение в любви и предложение одновременно.

Моя подруга Наташка ждала предложения десять лет, но так и не дождалась. А Юля получила его сразу, одновременно со знакомством. Сергей Владимирович был свободен, ему было восемьдесят шесть лет, тянуть некогда.

Михалков женился на Юле. Ей тридцать семь лет. Разница почти в пятьдесят.

Когда я увидела Юлю в первый раз, то удивилась: красивая, породистая, из хорошей семьи. Что, нельзя найти ровесника?

Я, конечно, не спросила, но подумала. Юля прочитала мои мысли и сказала:

– Для меня важен не возраст, а личность.

Это позиция. Многие согласились бы жить со стариком, импотентом и карликом, лишь бы это была яркая и талантливая личность, которая питала и обогащала.

Бог дал ему длинную жизнь.

Сергей Владимирович и Юля жили дружно и радостно.

У Юрия Нагибина есть такие слова: «Только в старости люди любят друг друга по-настоящему».

Можно понять: на первое место выступает не страсть, а нежность. Страсть – чувство плотское, а нежность – божественное. Непреходящее. Страсть может уйти, а нежность –

нет.

Я пригласила Сергея Владимировича и Юлю на свой юбилей. Я отмечала юбилей в Доме литераторов, так что им недалеко идти. Только перейти дорогу.

Они пришли. Любо-дорого смотреть: оба высокие, стройные, в черно-белом. Сергей Владимирович с тростью, трость с серебряным набалдашником.

Возраст ему шел. Сергей Владимирович выглядел лучше, чем в средние годы. О нем невозможно было сказать: старик. Нет. Патриарх.

За моим столом сидела вся моя семья, сильно разросшаяся, и друзья. Это называется: родные и близкие.

Сергей Владимирович произнес тост:

– Я встретился с Викторией, когда она делала первые шаги. Это была не девушка, а ледокол «Ермак». Сейчас она пишет книги, которые ХОТЯТ читать.

Мои книги раскупают очень быстро. Читатель голосует рублем. О чем это говорит? О том, что я выгодна издательствам, и они ХОТЯТ меня издать.

В советские времена у меня выходила одна книга в пять лет. Почему? Потому что я не стояла на генеральной линии партии, писала про обычных людей и про их чувства. Сейчас у меня выходит одна книга в год. Капитализм. Материально я окрепла, но перестала быть молодой. Перешла в средний возраст. Что же делать? Всегда что-то теряешь, а что-то находишь.

За столом уже сидит мой десятилетний внук Петруша. Глаза – озера, лоб нахмурен. У него, как правило, плохое настроение. Ему всегда что-то не нравится.

Мои гости выходят покурить. Мы с Сергеем Владимировичем остаемся одни за столом.

– Тяжело быть старым? – спрашиваю я.

– Смотря кто рядом, – отвечает он. – Меня любят...

И я понимаю: вот основополагающие слова. И слова простые, не парадные.

Если рядом человек, которого ты любишь, а он тебя, – можно жить хоть сто двадцать лет, как Моисей, и года не в тягость.

Вернусь в 1962 год. Сергей Владимирович устроил меня во ВГИК, куда я провалилась с треском. Хотя – без треска. Просто недобрала один балл. Случайность. Рулетка.

Меня зачислили на первый курс.

Осенью группа собралась для обучения, и среди прочих – я.

Все вытарацили глаза. Мы вместе поступали, я не прошла. Рыдала от горя у всех на глазах, и вдруг – явилась, не запылилась. Ясен пень – по блату.

Блатных презирают. За какие такие таланты я протырилась после провала? Явно не литературные. В лицо мне никто ничего не говорил, но я чувствовала холод своих сокурсников.

Среди поступивших был некто Юра Богданов. Он приехал из Ростова, происходил из воровской семьи. Его родной дядя, брат отца, был вор-щипач, тырил деньги по карманам в трамваях и автобусах. Он брал с собой племянника Юру, у которого была маленькая детская ручка, наиболее удобная для проникновения в чужой карман.

Юра подросток и услышал в себе неодолимый писательский зов. Он не стал продолжать воровскую династию, а отправился в Москву и с ходу поступил во ВГИК. И сразу, на приемных экзаменах он влюбился в меня. Влюбился тяжело и насмерть.

Мы вместе ходили на лекции, на семинары, на просмотры. Сиделись рядом, и нам было хорошо. Замечательно.

Я не была влюблена, мне только вора не хватало. Но его чувство грело меня как солнце и буквально спасало в неласковой атмосфере сокурсников. Я не замечала скепсиса по отношению к себе, поскольку меня омывала мощная и нежная волна его любви.

Какова была его роль в моей жизни? Никакой. Но такое чувство не забывается.

Какой он был? Милый. С большими карими глазами, по-детски длинными ресницами, в выглаженной рубашечке. Видимо, сам стирал и гладил.

Группа подозревала, что я его не люблю, а просто использую. Но как можно использовать нищего иногороднего студента?

Первая работа, которую мы писали по сценарному мастерству, – немой этюд. Я сочинила немой этюд «Снег в июне». Имелся в виду тополиный пух. Я сейчас уже не помню, о чем эта история. Наверное, о любви. О чем еще?

Мы сдали свои работы. Читал наш мастер профессор Вайсфельд. И тут повторилась история, произошедшая со мной в 104-й школе. Мне поставили пятерку – единственной в группе.

Первая реакция коллектива – шок. Вторая – возмущение. Группа собралась в стаю и направилась к Вайсфельду. От имени всех выступала некая Ольга, интеллектуалка и правдолюбка. Она сказала:

– Как вы могли поставить Токаревой пятерку, когда известно, что за нее написал Богданов?

– А как это известно? – удивился Вайсфельд.

– Ну, как же... Вы что, не видите?

– А что я должен видеть? – не понял Вайсфельд.

– Богданов написал. Это же ясно.

– Вовсе не ясно. И вы не можете этого доказать.

Группа ушла, унося в душе благородный гнев.

С Богдановым была проведена беседа. Группа взяла с него слово, что он будет обходить меня стороной. Богданов пообещал, но обещание не выполнил. Он ничего не мог с собой поделаться. Его накрыла первая любовь, и он был не в состоянии ее убить.

– Что я должен сделать, чтобы ты стала моей? – спрашивал

он у меня.

– Стань знаменитым, как Юрий Казаков...

Это было время расцвета прекрасного прозаика Юрия Казакова. Его называли вторым Буниным.

– Стану, – обещал Юра и верил, что станет.

Однажды мы вместе поехали к Катерине Виноградской в Переделкино. Не доходя до ее дома, завернули в рощу. Остановились возле дерева.

Предстояло поцеловаться. До этого наши отношения были совершенно платонические. Юра просто провожал меня на троллейбусе от ВГИКа до улицы Горького. Ехать надо было почти час. И вот этот час дороги и был его счастьем и нашей совместной жизнью.

Мы стояли под деревом. Я ждала, что он проявит инициативу, притянет меня к себе и поцелует в конце концов. Но он этого не сделал. Робел. Не решался. Я была для него недосягаема, и если бы он дотронулся до меня, то упал бы в обморок.

Чистый, провинциальный, трогательный мальчик. Я не знаю: был ли он талантлив и смог бы он стать Юрием Казаковым? Кем бы он мог стать для меня? Только собакой, при этом дворнягой.

Ко второму курсу Юра это понял, и решил уйти из ВГИКа. Вернуться в Ростов.

Я его провожала.

Мы спустились в метро. Ждали поезда, куда он войдет.

Мне вдруг стало страшно. Я поняла, что он сейчас уедет – и в моей душе образуется глубокая расщелина. Моя душа треснет.

Кстати сказать, немой этюд я писала сама и ему помогала писать его этюд. Просто всем казалось, что он со своей биографией ближе к суровой прозе, чем я со своей. Что было в моем анамнезе? Музыкальное образование, веселый характер, здоровое легкомыслие. На мыслителя я никак не тянула, и предположить во мне талант и склонность к серьезным раздумьям – никому бы и в голову не пришло.

В глубине тоннеля появился поезд. Сейчас Юра сядет и уедет. Пусть провинциал, пусть пораженец... Но я столкнулась с большим чувством. А это многократная драгоценность, которую вряд ли Бог посылает два раза.

«Не думать, – сказала я себе. – Не думать».

Он вошел в вагон.

«Не думать», – повторяла я как мантру. Так, наверное, ведет себя самоубийца, который хочет выброситься из окна. Он говорит себе: «Не думать...» – и шагает в пропасть.

Больше я его не видела. Да и зачем?

Он мог бы найти меня и сказать:

– Я тебя любил...

– А я знаю, – ответила бы я. – Как ты поживаешь?

– Юрием Казаковым не стал. Работаю в журнале.

– А как твой дядя?

– Какой дядя?

– Который воровал. Он продолжает?

– Нет.

– Исправился?

– Просто постарел. Сноровка пропала. И суставы болят.

– А при чем тут суставы?

– Убегать.

Но он меня не нашел. И я его не нашла. Но я помню. Так запоминается хрустальная холодная вода из родника, от которой стынут зубы и поет все нутро.

На втором курсе я написала сюжет для «Фитиля». Короткая история о том, как молодой учитель целый день не врет, говорит только то, что думает.

В этом же месяце мне попался рассказ «Хочу быть честным». Его написал Владимир Войнович.

Я прочитала этот рассказ и застыла как соляной столб. Во мне что-то произошло, как будто меня подключили к космической розетке, пошел ток и проклянулся писатель, который был запрятан глубоко в генах.

Я стала выяснять: кто этот Войнович? Узнала, что он будет выступать в Клубе железнодорожников, и отправилась на встречу. Мне хотелось просто на него посмотреть. Какой он? Как выглядят такие сверхчеловеки?

Сверхчеловек оказался маленького роста, волосы дыбом, дешевый кримпленовый костюм темно-коричневого цвета, большие торчащие глаза. В общем, похож на ежика, которого

спугнули собаки, и он выскочил из норки на поляну. Володя Войнович был на пять лет старше меня. Всего пять лет, а он уже на вершине Олимпа, купается в славе.

В Клубе железнодорожников Войнович читал рассказ «Расстояние в полкилометра». Содержание этого рассказа – никчемная жизнь и никчемная смерть. Когда выступление окончилось, я протиснулась к Войновичу и сунула ему свои две страницы «Фитиля». При этом сказала:

– Меня тоже волнует похоронная тематика.

В дальнейшем он стал называть меня за глаза «Похоронная тематика».

Через несколько дней мы встретились. Войнович вернул мне мой «Фитиль» и сказал:

– Твоя сила в подробностях. Пиши подробно.

Я пришла домой и переписала сюжет подробно. Из двух страниц получилось сорок две. Войнович придумал мне название «День без вранья».

Рассказ ему понравился, и он отнес его в журнал «Новый мир» со своей рекомендацией. Я спросила:

– Ты почему отнес, хотел мне угодить?

Он ответил:

– Если бы я нашел этот рассказ на улице, я все равно бы его отнес в журнал.

Это был комплимент.

«Новый мир» отверг рассказ. Естественно, Твардовский в те времена предпочитал «деревенщиков», поскольку они

отражали грубую реальность.

Я села на автобус и отвезла свой рассказ в журнал «Молодая гвардия». Почему именно туда? Потому что он был рядом с моим домом, три остановки на автобусе.

Я шла по коридору редакции и читала таблички на дверях: «Отдел поэзии», «Отдел прозы», «Отдел писем», «Зам. главного редактора». Против последней таблички я задержалась. И вошла.

За столом сидел Александр Евсеевич Рекемчук – умеренно толстый, рыжий, лысоватый, с веселыми глазами.

– Здравсьте, – поздоровалась я.

– Здравсьте. Вы кто?

– Я принесла свой рассказ. – Я положила рукопись на краешек стола.

– А вы откуда?

– С улицы.

– А кто вас прислал?

– Никто. Я сама пришла.

– Интересно. Если ко мне с улицы начнут все ходить, у меня не останется времени на мою работу. Есть же отдел прозы...

– Забрать? – спросила я и протянула руку к своему рассказу.

Рекемчука тронула моя покорность. Он окинул меня своими веселыми рыжими глазами: молодая, ясная, с деревянными бусами на шее, похожими на счеты.

Рекемчук приехал откуда-то с Севера. И ему тут же дали большую должность. Он не привык к номенклатурным должностям, был талантливый, яркий и буйный человек. Мог напиться, подраться и попасть в милицию. Среди номенклатуры таких не бывает. Они там все – человеки в футляре. Мне просто повезло, что я открыла именно эту дверь.

У Рекемчука довольно быстро, а может, и мгновенно созрел план поухаживать за мной. Воспользоваться случаем и служебным положением. Он довольно быстро прочитал мой рассказ и... растерялся. Рассказ резко отличался ото всего литературного потока.

Рекемчук созвал отдел прозы и приказал внимательно относиться к самотеку (рукописи, которые приходят по почте и с улицы). Среди самотека может оказаться самородок.

Далее Рекемчук позвонил ко мне домой. В моей коммунальной квартире раздался звонок. Подошла свекровь, послушала и недовольно крикнула:

– Тебя... – Она не любила мужские голоса.

Я подошла. Отозвалась:

– Да...

Там долго молчали. Потом Александр Евсеевич ровно переспросил:

– Это Виктория?

– Ну да, – подтвердила я. – Кто это?

– Рекемчук.

– Ой... – испугалась я.

– Скажите, вы давно написали этот рассказ?

– Неделю назад.

– А вы его куда-нибудь носили?

– Нет... – слукавила я.

Я скрыла, что рассказ был в «Новом мире», но ведь это не я его носила, а Войнович.

– А почему вы принесли его в «Молодую гвардию»?

– Я рядом живу.

– И все?

– Ну да. А что?

Пауза. Мы разговаривали с длинными паузами, было впечатление, что Рекемчук тянет время. А на самом деле он боялся, что большая рыба уйдет с крючка, и был очень осторожен.

– А вы не могли бы прийти? – спросил Рекемчук.

– Когда?

– Завтра.

– Во сколько?

– К двум часам.

– Хорошо, – согласилась я.

Рекемчук положил трубку, а я стояла в недоумении: понравился рассказ, не понравился? Зачем приходить? Забрать рукопись обратно? Обычно в те времена, когда я приносила что-то в редакцию, мне отвечали: «Это мило, талантливо, но...» – перечисляли «но», и я уходила восвояси. Никто не отказывал грубо, а именно так: мило, талантливо, но...

Я уже привыкла к этой формулировке.

На другой день я предстала пред очи Рекемчука. Он молча поднялся и повел меня к главному редактору. Фамилия главного была Никонов: представительный, высокий человек в футляре. Футляр серого цвета. Они почему-то все ходили в сером. Белый воротничок под галстук. Это обязательно.

Никонов поднялся мне навстречу, надел на лицо приветливое выражение.

– Это мило, талантливо... – начал он.

– Но, – подсказала я.

– Но нам нужно «доброго пути».

Я ничего не поняла.

– Это ваша первая публикация? – поинтересовался Никонов.

– Да.

– А сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– Начинаящий писатель, – подсказал Рекемчук.

– Мы бы хотели дать вам «доброго пути». Пусть какой-нибудь классик напишет.

– Какой классик?

– Все равно. Кто вам нравится. Рассказ выйдет с предисловием классика.

– Вы его напечатаете? – прозрела я.

– Мы его поставим в июльский номер, – сказал Никонов. – Нужна хорошая фотография и «доброго пути».

Мне захотелось броситься ему на шею, но это было неудобно, и белый воротничок не располагал.

Есть люди, которые не любят начальство, предполагая в нем хищников и негодяев, которые идут по головам для достижения цели. Есть люди, особенно женщины, которые обожают начальство, потому что начальство – это власть, а всякая власть – эротична. Лично я начальства боюсь. Они для меня как инопланетяне, непонятно, что у них на уме.

Мы с Рекемчуком вышли из кабинета. Я смотрела на него блестящими глазами. Я понимала: войди я в дверь с табличкой «Отдел прозы», этот отдел продержал бы мой рассказ месяц, а потом вернул, не читая, с формулировкой «это мило, талантливо, но...».

Можно понять: сидит редактор и за копеечную зарплату читает мутные потоки, от которых мозги забиваются глиной. Какая им разница: что я там написала? Да и что может написать девица с бусами и на каблуках? Моя удача – это равнодушный Александр Рекемчук с неизношенной душой, с неизбывной любовью к литературе и главное – с человеческим талантом. Позже он преподавал в Литературном институте, вел семинар прозы. Студенты его обожали. Недолгое время он был главным редактором «Мосфильма», но слетел с этой должности. На высших должностях нужна умеренность и аккуратность.

Я стала думать: кто бы мог дать мне «доброе пути»? Хороших писателей много, но, говоря сегодняшним языком, самый гламурный – Симонов. Он был наш советский Хемингуэй: седой, красивый, знаменитый. Писатели, особенно «деревенщики», одевались, как капуста. Одно на другом. Элегантно выглядели двое: Симонов и Нагибин.

Я выбрала Симонова. Редакция журнала «Молодая гвардия» составила письмо с просьбой дать мне «доброе пути». Не могла же я явиться к Симонову по собственной инициативе, с улицы. Я взяла письмо, приложила рассказ и отправилась по адресу.

Моя институтская подруга Ольга (та самая, которая возглавила оппозицию против меня) руководила моим походом к Симонову. Она принесла из дома драгоценности: кулон с бриллиантом и опаловую брошь. Ольга обряжала меня, как невесту. Константин Симонов должен был ослепнуть от моих драгоценностей.

Константин Михайлович не ослеп. Он даже не пригласил пройти в дом. Я осталась на лестнице, и все драгоценности были скрыты пальто: и кулон и брошка.

Он взял письмо из редакции, рукопись и проговорил, улыбнувшись смущенно:

– Я не могу подать вам руки. Она в водке. Я ставлю собаке компресс.

Я понимающе закивала головой. Он закрыл дверь, а я пошла вниз по лестнице – оплеванная, не допущенная к свя-

тыням.

Пройдя этаж, я остановилась перед большим окном на лестничном пролете. Смотрела на белые деревья. Во мне что-то происходило, как в атмосфере, перемещаясь слоями. Что именно? Я не могла в себе разобраться. Прежде всего – сам Симонов, знаменитый до небес. Запах богатства, таланта, прижизненной славы.

Однажды я спросила у маленькой девочки, Маруси Чухрай:

– Маруся, ты хочешь быть знаменитой?

– Зачем?

– Чтобы тебя любили все люди на земле.

– А зачем мне любовь людей, которых я даже не знаю?

Мне надо, чтобы меня любили те, кто рядом.

Сейчас, в своем третьем возрасте, я согласна с Марусей. Зачем нужна любовь незнакомых людей?

Симонова любила вся страна. А умирал он тяжело и довольно рано, в шестьдесят три года. У него была проблема с бронхами. Трудно дышать.

Я встретила его незадолго до смерти, он был мелового цвета. Я так испугалась, что сказала:

– А вы хорошо выглядите...

– Мне это сегодня уже третий человек говорит, – сказал Константин Михайлович, усмехнувшись.

Понимал, что люди пугаются и стараются успокоить.

Симонов прочитал рассказ и позвонил мне по телефону. В девять часов утра. Звонок вырвал меня из сна. Я услышала голос Симонова.

– Я не считаю, что есть писатели начинающие и продолжающие. Писатель, он или есть, или нет. Вы – писатель.

Константин Михайлович проговорил все, что считал нужным, и положил трубку. А я не могла ее опустить. Слушала короткие гудки и прижимала трубку к лицу, как будто это была фотография любимого человека.

Рассказ вышел летом, в июле. С моей удачной фотографией и с предисловием Константина Симонова. Парадный выход.

Я отдыхала в это время в Прибалтике, в Доме творчества писателей.

Мой муж купил в ларьке журнал и принес мне на пляж.

Я раскрыла журнал, увидела и побежала по кромке моря. Как в кино. Я бежала потому, что не могла стоять на месте. Счастье распирало меня во все стороны. И если бы я осталась неподвижной – взорвалась бы, как перегретый атомный реактор.

Я бежала целую остановку: от Дзинтари до Майори. Это был самый счастливый день в моей жизни. Я встретила себя с собой. С этих пор началась моя настоящая жизнь, в которой не было ничего лишнего.

Кого мне благодарить?

Во-первых – гены. Во-вторых – Володю Войновича. Он вовремя сказал главные слова: «Твоя сила в подробностях». Встречу с ним я считаю определяющей. Большой взрыв, после которого образовалась Вселенная.

Он заметил однажды:

– Да брось, Вика. Я многим говорил: «Пиши подробнее».

Но писателем никто из них не стал. Не во мне дело.

Я считаю по-другому. Благодаря Володе я напечаталась в двадцать шесть лет. Я не потеряла ни одного дня.

Все это случилось на хвосте оттепели. Осенью уже сняли Хрущева (хорошо, что не убили, просто отстранили от должности).

Пришел Брежнев, и начался долгий застой. Талантливые молодые писатели не могли пробиться сквозь плотную резину застоя. Творческая энергия уходила, как дым в трубу. И туда же жизнь. Они спивались, меняли жен, уезжали из страны. Все это прекрасно написано у Довлатова.

Слава пришла к Довлатову после смерти. Лучше поздно, чем никогда. Но еще лучше вовремя.

Мой рассказ был замечен. Критика долго размышляла – как определить жанр? Для смешного рассказа он слишком длинный. Для серьезного рассказа – слишком смешной. Значит, что это?

Философ Евгений Богат нашел определение: ироническая интонация. Так я и въехала в литературный процесс под вывеской «Ироническая интонация».

Возвращаясь в то время, вспоминаю, как Володя Войнович впервые провожал меня домой. Он усадил меня в свой маленький зашмарканный «запорожец» и спросил:

– Рада, что познакомилась с Войновичем?

Сейчас я не помню своего ответа. Все-таки я была плотно замужем и не забывала об этом.

Войнович был, конечно, гениальный писатель, но неухоженный. Чувствовалось, что бедность сопровождала его всю жизнь, и он к ней привык. У него были другие приоритеты. В нем зрели его замыслы, а то, во что он одет или какая у него машина, не имело значения.

Это наследственное. И родители были такие же. В своем романе «Автобиография» Володя рассказывает, как его родители совершили квартирный обмен. Поменяли прекрасную светлую квартиру в солнечном городе на нечто противоположное, переехали в сырость и мрак. Совершенно непрактичные люди. Своего сына Володю, способного юношу, послали учиться в ПТУ. Володя приобрел специальность плотника. Можно было бы понять, будь родители необразованные, темные люди. Но вовсе нет. Отец был журналист, мать – учительница математики. Интеллигенция.

Володя – такой же. Оказавшись в эмиграции, он издавался миллионными тиражами. У него скапливались большие суммы. И где они? Просочились сквозь пальцы как вода.

В Володиной непрактичности есть что-то чистое, детское, трогательное. Особенно в наше время дикого капитализма,

когда деньги стали национальной идеей.

Володя окончил ПТУ. Стал работать на стройке. Женится на Вале Болтушкиной. Он – плотник, она – маляр. У них родилось двое детей.

Бедность шла по пятам, как голодная собака. Володя каждое утро брал свои брюки, подносил их к окну и смотрел: не протерлись ли до дыр? Сквозь дыры будут проглядывать голубые кальсоны, а это неудобно.

Володя уже тогда тяготел к прозе и ходил в литературное объединение клуба железнодорожников. Там он познакомился с молодым Окуджавой.

Однажды он шел со своим приятелем по улице Горького, им встретился какой-то человек. Он работал редактором на радио. Редактор подошел и обратился к приятелю, проговорил озабоченно:

– Слушай, мне надо в редакцию какого-нибудь молодого парня, без амбиций, который может писать все что угодно за маленькую зарплату. У тебя, случайно, никого нет?

– Вот. Пожалуйста, – ответил приятель, указывая на Войновича, стоящего рядом. – Молодой, без амбиций, может писать все что угодно и за бесплатно.

Видимо, у редактора было безвыходное положение, и он согласился. Взял Войновича на работу, не понимая, кого берет. Володя тогда и сам не понимал, кто он. Это все равно что взять золотой шлем Александра Македонского и пользоваться им как рукомошкой.

В эти дни Гагарин полетел в космос. В отдел позвонили и прокричали: «Срочно нужна песня о космонавте! Оскар Фельцман уже написал музыку, нужны стихи. Срочно!»

Завотделом, опытная редактор, стала обзванивать маститых поэтов: нужны стихи срочно, за два дня максимум.

Маститые поэты обижались: какие два дня... мы что, халтурщики? Надо обдумать, потом создать...

Ситуация становилась критической.

Тогда Володя присел на краешек стула и за полчаса написал: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут...» Впоследствии слово «закурим» пришлось заменить на «споемте», потому что началась кампания против курения. «Закурим» – безусловно, лучше. Какие это мудаки начнут петь перед стартом, тем более таким опасным?

Завотделом прочитала, быстро позвонила Фельцману и сказала:

– Мы получили прекрасные стихи, их написал молодой талант, надежда нашей поэзии.

Фельцман мог не согласиться на неизвестного автора, но капризничать было некогда. Гагарин уже летит и уже возвращается. Оскар Борисович согласился.

Песня стала гимном космонавтов. Ее хочется петь непрестанно. Она не надоедает и не стареет.

Слова из песни цитировал с высоких трибун уютный пу-

затый Хрущев. Звезда Войновича взметнулась и зажглась.

Однажды он вернулся домой сильно выпивши. Его комната была в конце коридора коммунальной квартиры. Он мысленно провел прямую от своих глаз до дверей комнаты, сосредоточился и зашагал по этой прямой. Достиг дверей, вошел в комнату и, не раздеваясь, грохнулся на диван. И тут же заснул. А когда проснулся, увидел на столе идиллическую картинку: тарелочка, на ней почищенная и аккуратно порезанная селедочка, сверху посыпанная зеленым лучком. Рядом телеграмма, прислоненная к стакану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.